

Гениальный чиновник

Есть старая филологическая примета — чем ближе к югу, тем больше пушкиноведы любят графа (или по позднему титулу — князя) Михаила Семеновича Воронцова. Из этого вовсе не следует, что они меньше любят Пушкина. Нет, просто они понимают, как много сделал Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор для края в целом и для Одессы в частности. Возможно, им приходит в голову и крамольная мысль о том, что юный гений вел себя, мягко говоря, некорректно. Не говоря уж о достаточно обидной и несправедливой эпиграмме на Воронцова, можно было бы и поработать немного. Впрочем, согласно тем же филологическим легендам, Воронцов хохотал чуть ли не до слез, читая отчет молодого нахала о командировке на саранчу, и добавлял, что в остальных многотомных и многословных отчетах говорилось, в сущности, о том же.

Гениям все прощается. Но тогда, может, стоит сказать и о том, что Воронцов был гениальным чиновником (или, как модно говорить сейчас, управленцем). Поручали ему должности самые неблагоприятные — и часто отзывали прежде, чем он мог пожать заслуженный успех. Окончательная победа России в Кавказской войне связана с именем А.И. Барятинского, но без того, что сделал Воронцов, победа эта была бы невозможна. Сам Барятинский признавался: "Мне досталась жатва Воронцовского посева".

У кого-то его имя связано с войной 1812 года, у кого-то — с эпиграммой Пушкина, а для кого-то — Воронцов просто памятник на Соборке.

Краткое и неполное описание его карьеры выглядит примерно так. Участник Кавказской войны с 1803 года, русско-персидской, русско-пруско-французской войны. Отечественная война 1812 года: Мир, Романов, Смоленск, Шевардино, Бородино. Затем Гросс-Беерн, Денневиц, Лейпциг, Кассель, Краон. Новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабии. Русско-турецкая война: взятие Варны; снова Кавказ.

Начальник, впервые в истории русской армии отменивший телесные наказания в своем корпусе. Граф, на свои деньги в течение двух лет содержавший госпиталь, в котором лечились до 300 солдат и 50 офицеров. Глава российского оккупационного корпуса, из собственных средств оплативший долги русских офицеров. Завоеватель, получивший медаль за гуманное обращение с жителями от французов. Один из авторов записки о необходимости отмены крепостного права в России.

Кавалер российских, французских, британских, австрийских, шведских, прусских, сардинских, греческих, турецких орденов.

Современники описали историю символическую: во время одного из боев на Кавказе зимой 1804 года юный поручик лейб-гвардии Преображенского полка граф Воронцов потерял компас. Спустя тридцать лет компас это был найден на убитом лезгине и в 1837 году передан в Одессу. По воспоминаниям, Воронцов не расставался с этим компасом и постоянно носил его при себе, как напоминание о начале военной карьеры.

Письма человека — и частные, и официальные — позволяют лучше его понять. Дружеское письмо графа Воронцова недавно возвращенному из опалы М. Сперанскому и официальные письма главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом и наместника на Кавказе князя М. Воронцова о судьбе Хаджи-Мурата.

Письма публикуются с сохранением стилистики и пунктуации оригинала.

Алена ЯВОРСКАЯ.

**Письмо графа М.С. Воронцова
М.М. Сперанскому
28 мая 1823 г. С. Петербург**

Милостивый государь Михайло Михайлович! К крайнему моему сожалению, заехал я в дом вашего превосходительства вчера, возвращаясь с каменного острова в 10 часов, т. е. полчаса после отъезда вашего.

Я желал лично отдать вам приложенный маршрут и еще старался уговорить вас по одному расположить поездку вашу. По сей дороге вы увидите лучшую часть Киевской губернии, край не уступающий красотой и часто богатством лучшим частям Европы и совершенно различный со смежною частью той же губернии. Дальше вы увидите губернский город Екатеринослав, проехав славные по делам малороссийских и запорожских казаков города Черкассы и Чигирин, дальше вы увидите главный днепровский порог (Ненасытинской), губернский город Херсон, где похоронен основатель Новороссийского края князь Потемкин; Николаев, столица Черноморского флота и по стараниям Грейга удивительно подвижающийся вперед, и потом Одессу. По сей дороге вы увидите (тут уже мой интерес) два имени наши: в Киевской губернии Мошны, красивые Днепром, лесами и горами, а в Херсонской губернии — Новую Воронцовку, куда от июня 1822 до апреля 1823-го переселилось 2.000 душ, все охотники, по собственному желанию и на собственном иждивении.

Письмо сие, может, будет в Чернигове еще прежде вас, мы же скоро за оным вслед будем, и тогда я на словах повторю уверения того истинного почтения и совершенной преданности, с коими остаюсь вашего превосходительства покорнейший слуга.

Журнал "Русская старина", май 1903.

**Письмо князя М.С. Воронцова
к князю А.И. Чернышеву
20 декабря 1851 г.
(Перевод с французского)**

Я не писал вам с последней почтой, любезный князь, желая сперва решить, что мы сделаем с Хаджи-Муратом, и чувствуя себя 2, 3 дня не совсем здоровым. В моем последнем письме я извещал вас о прибытии сюда Хаджи-Мурата: он приехал в Тифлис 8-го на следующий день я познакомился с ним и дней 8 или 9 говорил с ним и обдумывал, что он может сделать для нас впоследствии, а особенно, что нам делать с ним теперь, так очень сильно заботится о судьбе своего семейства и говорит со всеми знаками полной откровенности, что пока его

семейство в руках Шамиля, он парализован и не в силах услужить нам и доказать свою благодарность за ласковый прием и прощение, которое ему оказали. Неизвестность, в которой он находится на счет дорогих ему osób, вызывает в нем лихорадочное состояние, и лица, назначенные мною, чтобы жить с ним здесь, уверяют меня, что он не спит по ночам, почти что ничего не ест, постоянно молится и только просит позволения покатавшись верхом с несколькими казаками — единственное для него возможное развлечение и движение, необходимые вследствие долготелней привычки. Каждый день он приходил ко мне узнать, имею ли я какие-нибудь известия о его семействе, и просить меня, чтобы я велел собрать на наших различных линиях всех плененных, которые находятся в нашем распоряжении, чтобы предложить их Шамилю для обмена, к чему он прибавит немного денег. Есть люди, которые ему дадут их для этого. Он мне все повторял: "Спасите мое семейство и потом дайте мне возможность услужить вам (лучше всего на лезгинской линии, по его мнению) и если по истечении месяца я не окажу вам большой услуги, накажите меня, как сочтете нужным". Я ему ответил, что все это мне кажется весьма справедливым и что у нас найдется даже много лиц, которые не поверили бы ему, если бы его семейство оставалось в горах, а не у нас в качестве залога; что я сделаю все возможное для сбора на наших границах плененных и что не имея права, по нашим уставам, дать ему денег для выкупа в прибавку к тем, которые он достанет сам, я, может быть, найду другие средства помочь ему. После этого я ему сказал откровенно мое мнение о том, что Шамиль ни в каком случае не выдаст ему семейства, что он, быть может, прямо объявит ему это, обещает полное прощение и прежние должности, погрозит, если он не вернется, погубит его мать, жену и шестерых детей; я спросил его, может ли он сказать откровенно, что бы он сделал, если бы получил такое объявление Шамиля? Хаджи-Мурат поднял глаза и руки к небу и сказал мне, что все в руках Бога, но что он никогда не отдастся в руки своему врагу, потому что он вполне уверен, что Шамиль его не простит, и что он бы тогда недолго остался в живых. Что касается истребления его семейства, то он не думает, что Шамиль поступит так легкомысленно, во-первых, чтобы не сделать его врагом еще отчаяннее и опаснее, а во-вторых, есть в Дагестане множество лиц, очень даже влиятельных, которые отговорят его от этого; наконец, он повторил мне несколько раз, что какая бы ни была воля Бога для бу-

дущего, но что его теперь занимает только мысль о выкупе семейства, что он умоляет меня во имя Бога помочь ему и позволить ему вернуться в окрестности Чечни, где бы он через посредство и с дозволения наших начальников мог иметь сношения с семейством своим, постоянные известия о его настоящем положении и о средствах освободить его; что многие лица и даже некоторые наобы в этой части неприятельской страны более или менее привязаны к нему; что во всем этом населении, уже покоренном русскими или нейтральном, ему легко будет иметь, с нашей помощью, сношения, очень полезные для достижения цели, преследовавшей его днем и ночью, исполнение которой так его успокоит и даст ему возможность действовать для нашей пользы и заслужить наше доверие. Он просит отослать его опять в Грозную с конвоем из 20 или 30 отважных казаков, которые бы служили ему для защиты от врагов, а нам для рачительства в истине высказываемых им намерений.

Вы поймете, любезный князь, что все это очень озадачило меня, так как что ни сделай, большая ответственность лежит на мне. Было бы в высшей степени неосторожно вполне доверять ему; но если бы мы хотели отнять у него средство для бегства, то мы должны были бы запереть его; а это, по моему мнению, было бы и несправедливо и не политично. Такая мера, известие о которой скоро распространилось бы

по всему Дагестану, очень повредила бы нам там, отнимая охоту у всех тех (а их много), которые готовы идти более или менее открыто против Шамиля и которые так интересуются положением у нас самого храброго и предпримчивого помощника имама, увидевшего себя принужденным отдаться в наши руки; раз что мы поступили бы с Хаджи-Муратом как с пленным, весь благоприятный эффект его измены Шамилю пропал бы для нас. Поэтому я думаю, что не мог поступить иначе, как я поступил, чувствуя, однако, что можно будет обвинить меня в большой ошибке, если бы вздумалось Хаджи-Мурату уйти снова. В службе и в таких запутанных делах трудно — чтобы не сказать невозможно — идти по одной прямой дороге, не рискуя ошибиться и не принимая на себя ответственности. Но раз дорога кажется прямою, надо идти по ней. Будь что будь. Прошу вас, любезный князь, повернуть это на рассмотрение Его Величеству Государю Императору и я буду счастлив, если августейший наш повелитель соизволит одобрить мой поступок. Все, что я вам писал выше, я также написал генералу Завадовскому и Козловскому, для непосредственных сношений Козловского с Хаджи-Муратом, которого я предупредил о том, что он без одобрения последнего ничего сделать и никуда выехать не может. Я ему объявил, что для нас даже лучше, если он будет выезжать с нашим конвоем, а то Шамиль станет разглашать, что мы держим Хаджи-Мурата взаперти: но при этом я взял с него обещание, что он никогда не поедет в Воздвиженское, так как мой сын, которому он сперва сдался и которого он считает своим кунаком (приятелем), не начальник этого места, и могли бы произойти недоразумения (неприятности); впрочем, Воздвиженское слишком близко от многочисленного враждебного населения, между тем как для сношений, которые он желает иметь со своими поверенными, Грозная удобна во всех отношениях. Кроме двадцати избранных казаков, которые по его же просьбе ни на шаг не отстанут от него, я послал с ним ротмистра Лорис-Меликова [граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов], достойного, отличного и очень умного офицера, говорящего по-татарски, знающего хорошо Хаджи-Мурата, который, кажется, тоже вполне доверяет ему. 10 дней, которые Хаджи-Мурат провел здесь, он, впрочем, жил в одном доме с подполковником князем Тархановым, начальником Шушенского уезда, находящимся здесь по делам службы; это истинно достойный человек и я ему вполне доверяю; он также заслужил доверие Хаджи-Мурата, и через него одного, так как он отлично говорит по-татарски, мы рассуждали о самых деликатных и секретных делах. Я советовался с Тархановым насчет Хаджи-Мурата, и он совершенно согласился со мною в том, что или следовало поступить, как я поступил, или заключить Хаджи-Мурата в тюрьму и сторожить его со всеми возможными строгими мерами, потому что уж раз обращаться с ним худо — его нелегко стеречь, или же удалить его совсем из страны. Но эти две последние меры не только бы уничтожили бы всю выгоду, вытекающую для нас из ссоры между Хаджи-Муратом и Шамилем, но приостановили бы неизбежно всякое развитие ропота и возможности возмущения горцев против власти Шамиля. Князь Тарханов мне сказал, что сам уверен в правдивости Хаджи-Мурата и что Хаджи-Мурат не сомневается в том, что Шамиль его никогда не простит и велит казнить, несмотря на обещанное прощение; единственная вещь, которая могла озаботить Тарханова в его сношениях с Хаджи-Муратом, это его привязанность к своей религии, и он не скрывает, что Шамилю можно будет действовать на него с этой стороны; но, как я уже говорил выше, он никогда не убедит Хаджи-Мурата в том, что не лишит его жизни или сейчас, или спустя несколько времени после его возвращения. Вот все, любезный князь, что я хотел вам сказать насчет этого интересного эпизода здешних дел.

**К управляющему военным министерством князю В.А. Долгорукову
Коджоры. 14-26 августа 1852 г.**

Когда я писал князю Чернышеву о происшествии с Хаджи-Муратом, я говорил о том, что надеюсь собрать несколько рассказов об этом достопримечательном человеке, которые, может быть, будут признаны достойными поднесения нашему августейшему повелителю. Теперь, любезный князь, я посылаю вам маленькое описание политической и военной жизни Хаджи-Мурата, диктованное большей частью им самим ротмистру Лорис-Меликову, бывшему часто у него во время его пребывания здесь, и к которому Хаджи-Мурат, так же, как и князь Тарханов, наблюдавшему за ним в первое время, питал положительное уважение и даже любовь. Это сочинение нельзя было прислать раньше, потому что ротмистр Лорис-Меликов, которому попечение о Хаджи-Мурате не помешало принять блистательное участие в зимней экспедиции, скоро после того заболел довольно серьезно, почему я и вынужден был передать надзор за Хаджи-Муратом другому; может быть, дела приняли бы другой оборот, если бы он остался под надзором Лорис-Меликова. Мне кажется, впрочем, что смерть Хаджи-Мурата, в том виде, как она случилась, для нас есть счастье, если бы даже его последние намерения были другие. Этот неустранимый человек был обоюдоострой шпага, которая могла бы сделаться затруднительною для нас. Мы бы никак не могли вполне верить ему, пока его семейство оставалось в руках Шамиля, и даже если бы это семейство было освобождено, властолюбие, честолюбие Хаджи-Мурата стесняли бы нас требованиями, которых мы не могли бы удовлетворить. Все, что мы слышали от горцев со времени его смерти, а особенно, что мы узнали во время последних происшествий на лезгинской линии, доказывает, каким большим влиянием и уважением Хаджи-Мурат пользовался в Дагестане. Это, конечно, было главная причина ненависти, которую питал к нему в последнее время Шамиль.

Имам, задавшийся династическими предположениями, знал, что многие из самых важных людей покорялись лишь неохотно и со скрытыми мыслями таким претензиям; он знал, что особенно Хаджи-Мурат никогда не покорится подобным затеям, и как только что случится с самим Шамилем, то он сам будет главою открытого восстания против будущей власти сына Шамиля.

Хаджи-Мурат, действительно, был замечательный человек, смелости, можно сказать, безумной, не знающий страха, вместе с тем имевший много природной хитрости, совершенное знание Дагестана и множество приверженцев между всеми этими различными племенами, особенно в Аварии, где он давно был действительным начальником. Его ненависть к Даниель-Беку была глубокая; он его, впрочем, презирал как воина и гнушался им. Говоря, что он плохой мусульманин и что он мюрид только ради Шамиля и на глазах его. Собственные религиозные убеждения Хаджи-Мурата были искренние и стали бы затруднением для нас впоследствии. Между тем он в те 5 месяцев, которые провел у нас, увидел и вполне убедился в нашей веротерпимости и в сравнительно высшем положении мухамедан, находящимся под нашей властью, нежели тех, которые находятся под деспотизмом Шамиля. Во всяком случае, Шамиль потерял в нем лучшего воина, лучшее орудие для всех трудных и отважных экспедиций и единственного, пользовавшегося в высокой степени уважением и доверием тех сил, которые имам собирает волей-неволей для действий против нас. Поэтому я вас прошу, любезный князь, поднести нашему августейшему повелителю это маленькое описание, действительно интересное, как очерк жизни, полной приключений и постоянных опасностей. <...>

"Русская старина", 1881 год.

P.S. И несколько слов о справедливости — в возрожденный Собор будут перенесены останки М.С. Воронцова и Е.К. Воронцовой. Они найдут упокоение там, где и были захоронены.